

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ И РОССИЕЙ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Показана необходимость поиска адекватных теоретических подходов для изучения взаимоотношений ЕС и России в сфере миграции. Обозначив контекст данной проблематики, автор показывает, что различные, зачастую противоречащие друг другу подходы могут быть использованы для анализа природы, динамики и форм этих взаимоотношений. Статья написана на основе материалов, собранных автором в Центральном Европейском Университете (Будапешт, Венгрия) и в Свободном Университете Брюсселя (Бельгия) в 2005–2006 гг.

На сегодняшний день существует целый ряд теоретических направлений в области международных отношений и миграционных исследований, которые могли бы быть использованы для анализа взаимоотношений Европейского Союза и России (а также некоторых других стран – членов СНГ) в сфере миграции. К сожалению, парадокс заключается в том, что теоретические изыскания специалистов-международников, политологов и социологов оказываются невостребованными, когда речь идет о так называемых «сугубо исторических» исследованиях, каким на первый взгляд может показаться и работа, посвященная любому из аспектов взаимоотношений России и Европейского Союза. Автор данной статьи полагает, что подобное позиционирование рассматриваемой проблематики является, по крайней мере, неадекватным современным реалиям и предлагает иное понимание исследовательских задач в данной области.

Идея о том, что иммиграционная политика формируется и проводится не в отношении одного государства или группы стран, а в отношении отдельных лиц – выходцев из этих стран, является чем-то вроде аксиомы для многих специалистов в миграционных исследованиях [3, 7, 12]. Таким образом, дифференцированное применение мер иммиграционной политики по отношению к мигрантам из разных государств объясняется специфическими экономическими, политическими и социальными факторами, также как и особым характером исторических и культурных связей между «отправляющими» и «принимающими» странами, т.е. уже существующими межгосударственными отношениями [12. С. 41]. Тем не менее некоторые исследователи полагают, что существуют другие аспекты данной проблематики, которым должно быть уделено большее внимание. Во-первых, миграционная политика и практика могут оказывать неизбежное воздействие на целый комплекс отношений между различными акторами на мировой арене. Во-вторых, миграция как таковая может не только влиять на внешнюю политику, но и обслуживать ее цели [13, 14]. Некоторые авторы даже предлагают типологию корреляций между миграционными тенденциями и внешней политикой [11. С. 99].

Данная статья – это отнюдь не попытка продемонстрировать, как мигранты и их «транснациональные сообщества» или «транснациональные социальные пространства», [4, 9] воздействуют на политику правительств, или утверждать, что миграция как таковая способна оказать влияние на весь спектр международных отношений. Признавая значимость такой парадигмы, как транснационализм, возникшей как следствие возрастающей транснациональной активности мигран-

тов [2, 10, 15], предлагается несколько иной фокус исследования. Целью является привлечение внимания к необходимости многопланового анализа того, каким образом миграционная проблематика, кажущаяся порой незначительной деталью в мозаике международных отношений, может стать не только значимым фактором, но и важной сферой в отношениях между (квази) государственными акторами.

С точки зрения теории, речь идет о том, чтобы «вернуть государство обратно» [12], пытаясь сократить тот разрыв, который существует в настоящее время между работами в области миграционных исследований и в сфере теории международных отношений. С точки зрения практики, наиболее существенными вопросами такого исследования (касающегося в данном случае отношений между ЕС и Россией) должны быть *почему* и *каким образом* сфера миграционного регулирования и некоторые другие связанные с ней проблемы стали одним из приоритетов для ЕС и в частности для его отношений с Россией. Кроме того, необходимо определить, развиваются ли взаимоотношения в данной сфере на основе сотрудничества и является ли такое сотрудничество взаимовыгодным. Можно предположить, что среди факторов, формирующих параметры этих взаимоотношений, находятся особые характеристики миграционных потоков из рассматриваемого региона, эволюция миграционной стратегии ЕС и общий контекст политики ЕС по отношению к России, а также политика России в отношении ЕС. Таким образом, новые, более конкретные вопросы возникают в рамках обозначенной проблематики.

В чем специфика миграционных потоков из России (и других стран СНГ) и сравнимы ли они с иммиграционными потоками из других регионов? Каковы тенденции формирующейся иммиграционной стратегии ЕС? Существует ли какой-либо особый набор мер в области иммиграционной политики по отношению к мигрантам из России и других стран СНГ? Предпринимают ли страны СНГ какие-либо меры, направленные на управление эмиграционными потоками в Европу? Есть ли дифференциация в подходах ЕС к созданию миграционных режимов с различными странами СНГ? В какой степени действия обеих сторон (ЕС и России) определяются путем переговоров и различных координирующих механизмов?

В последние годы страны – члены ЕС отмечают необходимость решения задач иммиграционной политики на коммуитарном уровне [18]. Принимая во внимание миграционные тенденции последних пятнадцати лет, логику европейской интеграции, а также процесс и последствия последнего расширения ЕС, чрезвычайно

важным для ЕС является наличие хорошо просчитанной миграционной стратегии, которая не снижала бы его стандартов социальной стабильности и внутренней безопасности [8. С. 751–777]. Однако рестриктивная иммиграционная политика не только вызывает проблемы в самих «принимающих» странах, но также провоцирует напряженность в отношениях между ними и «отправляющими» странами, особенно в тех случаях, если это соседние государства [2, 5. Р. 596–622].

В то же самое время государства СНГ (особенно те, которые оказались в фокусе Политики Добрососедства ЕС – Беларусь, Молдова и Украина, а также самоустранившаяся из этого круга Россия) являются одновременно странами-источниками и странами транзита значительного числа иммигрантов, в том числе нелегальных [5, 12, 16]. Их целью является достижение преференциальных условий потенциальных миграционных режимов в отношениях с ЕС. В том, что касается отношений ЕС и России и в частности «четырёх общих пространств», вопросы нелегальной миграции уже приобрели ключевое значение и являются дополнительным препятствием для развития успешного сотрудничества в сфере управления миграционными потоками [17. С. 48–49]. Последнее расширение ЕС и тот факт, что ЕС приобрел протяженные границы со странами СНГ, сделали миграционные проблемы в регионе еще более острыми.

Обозначив контекст рассматриваемой проблематики, необходимо отметить, что, с одной стороны, в миграционных исследованиях существует тенденция недооценивать роль, которую государства (и другие правительственные акторы) играют в комплексных миграционных процессах. Это дает основания некоторым специалистам заявлять, что «роль государства в инициировании и стимулировании (или предотвращении) международной миграции мало изучена и фактически не присутствует в теоретических изысканиях» [12. С. 286]. С другой стороны, в теоретических дебатах в рамках дисциплины «международные отношения» миграционная проблематика в широком смысле и даже вопросы принятия решений в миграционной политике занимают маргинальное положение. Действительно, как отмечает М. Хейслер, «существующие теории, как в сфере международных отношений, так и в области миграционных исследований, практически бесполезны при возникновении проблем, которые являются одновременно внутрисоциальными и международными» [5. С. 596].

Таким образом, частично соглашаясь с Б. Бади, который подчеркивает «индивидуализацию мира» [2. С. 33], все же хочется обратить внимание на роль государств. Б. Бади и К. Витоль де Венден утверждают, что «вести переговоры с миграционными потоками, которые являются результирующей множества индивидуальных решений, или, по крайней мере, микростратегий, невозможно» [1. С. 13]. Тем не менее государства предпринимая попытки (основанные на недавно популяризованном в исследовательской литературе «причинном подходе») вести «переговоры» с государствами – источниками мигрантов. Под «переговорами» здесь понимается целый комплекс различных мер «позитивного» и «негативного» воздействия на

«отправляющие» страны с целью устранения важнейших причин миграции и последовательного уменьшения миграционных потоков из определенного региона [19. С. 1011–1017].

Этот подход становится основой множества появляющихся стратегий миграционного регулирования, приходящих на смену практически неэффективному иммиграционному контролю и ранжированных от односторонних действий «принимающих» государств до межгосударственного сотрудничества. По той причине, что подобное сотрудничество требует вовлечения правительственных участников с обеих сторон, миграционное регулирование постепенно перестает быть исключительно внутривнутриполитической сферой и начинает пересекаться с целым рядом мер, предпринимаемых государствами в области внешней политики. Это как нельзя лучше заметно в случае с ЕС, когда яркими примерами оказываются элементы общей иммиграционной стратегии ЕС, встраиваемые в его внешнеполитические механизмы; развертывание Политики Добрососедства; проекты в рамках Помощи Развитию. Отношения между ЕС и Россией (так же как и другими странами СНГ) не являются исключением.

Главный аргумент данной работы, касающийся роли государств, хорошо встраивается в неореалистическую парадигму международных отношений, но сфера, которая определена здесь как очень значимая, не считается таковой неореалистами. Тем не менее, придерживаясь мнения, что государство практически «в ультимативной форме определяет, что является «внутренним», а что «внешним» [1. С. 16] и вооружившись неореалистическим и формально-правовым инструментарием, можно попытаться объяснить меняющееся место иммиграционной политики в повестке многих государств, а также их односторонние действия в отношении других. Однако так как вопросы исследования не могут оставить в стороне взаимодействие, переговоры и сотрудничество, необходимостью становится обращение к другим теоретическим направлениям для анализа соответствующих аспектов. В данном контексте такие теоретические подходы, как неолиберализм, теория комплексной взаимозависимости, теория международных режимов, а также институциональная политическая социология [5], могут оказаться основными.

Неолиберализм, уделяющий внимание экономическим факторам и аспектам международных отношений, дает возможность взглянуть на экономическую мотивацию различных участников, вовлеченных в процесс взаимодействия ЕС и России, и на те формы, которое это взаимодействие принимает. Теория комплексной взаимозависимости может объяснить нарастающие возможности для межгосударственного сотрудничества, предлагая, среди прочих, концепцию «режимов» для развития подобного сотрудничества. Теория международных режимов фокусируется на сотрудничестве различных акторов в определенных областях международных отношений. В рамках этой парадигмы можно рассматривать природу и динамику отношений ЕС – Россия в такой области, как миграционное регулирование, так же как и в ряде других сопряженных с ней сфер. Она может быть использована и для оценки (потенциального) миграционного режима между ЕС и Россией.

Наконец, институциональная политическая социология дает основания для одновременного анализа внутренних социальных, политических и экономических процессов как в России, так и в ЕС и их миграционных стратегий с внешнеполитическими акциями и практикой двусторонних отношений. В рамках данного подхода существует возможность объяснения «экстернализации» внутренних проблем и «секьюритизации» многих областей внутренней и внешней политики. К примеру, предложенное Хейслером видение известной концепции «сообщества безопасности» [5] совпадает с практикой развития европейской интеграции в области юстиции и внутренних дел, постепенно образующей «зону свободы, безопасности и правопорядка». Интенсивная интеграция в данной сфере происходит одновременно с ее экспансией (хотя и в модифицированной форме) через особую Средиземноморскую политику ЕС (в процессе последнего расширения), а также по-

средством таких механизмов, как «общие пространства» между ЕС и Россией.

Многообразие теоретических подходов к такой сложной проблематике, как взаимопереплетение миграционного регулирования и международных отношений [6. P. 137–186], является одним из доказательств остроты вопросов, стоящих не только перед теми, кто тем или иным образом оказывается вовлеченным в принятие решений в данной сфере, но и перед экспертами, занимающимися анализом, оценкой и прогнозированием соответствующих динамик. Однако на данном этапе подобная экспертиза практически не опирается на те теоретические наработки, которые существуют в различных областях социальных наук, и тем самым часто оказывается поверхностной. Необходимость более глубокого и комплексно-теоретического подхода к подобной проблематике становится насущной потребностью в подобных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Badie B. et Withol de Wenden C.* Introduction: Migrations et Relations Internationales / B. Badie et C. Withol de Wenden (eds.) *Le Defi Migratoire: Questions de Relations Internationales*, Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1994.
2. *Badie B.* Flux Migratoires et Relations Transnationales / B. Badie et C. Withol de Wenden (eds.) *Le Defi Migratoire: Questions de Relations Internationales*, Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1994. P. 27–39.
3. *Castles S., Miller M.J.* *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. N. Y., 1993. 306 p.
4. *Glick-Schille N.* Transmigrants and the nation-states: something old and something new in the US immigrant experience // Hirschman C., Kasinitz P. and Dewind J. *The handbook of international migration*. N. Y.: The Russell Sage Foundation, 1999.
5. *Heisler M.* Migration, International Relations and the New Europe: Theoretical Perspectives from Institutional Political Sociology // *International Migration Review*. 1992. Vol. 26.
6. *Hollifield J.F.* The Politics of International Migration: How Can We «Bring the State Back In?» / C. Bretell and J.F. Hollifield (eds.). N. Y.: Routledge, 2000. P. 137–186.
7. *Hughes H.* Migration to the West: an Overview // *Global Dialogue: the Era of Mass Migration*. 2002. Vol. 4, № 4. P. 16–25.
8. *Huyssmans J.* The European Union and the Securitization of Migration // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 38, № 5.
9. *Kopnina H.* East to West Migration: Russian Migrants in Western Europe. London: Ashgate, 2005.
10. *Lafleur J.-M.* Le Transnationalisme Politique: Pouvoir des Communautés Immigrées dans leurs Pays d'Accueil et Pays d'Origine // *Cahiers Migratoires*. Louvain-La-Neuve: Bruylant Academia, 2005. № 35.
11. *Marmora L.* Les Politiques de Migration Internationales. Paris: L'Harmattan, 2002. P. 99.
12. *Massey D. et al.* *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford: Clarendon Press, 1998.
13. *Mitchel C.* International Migration, International Relations and Foreign Policy // *International Migration Review*. 1989. Vol. 23.
14. *Okolski M.* The Effects of Political and Economic Transition on International Migration in Central and Eastern Europe / D. Massey and J. Taylor (eds.) *International Migration: Prospects and Policies in a Global Market*; Oxford University Press, 2004. P. 35–58.
15. *Ostergaard-Nielsen E.* Transnational Politics: Turks and Kurds in Germany. London: Routledge, 2003.
16. *Pidluska I.* Borderland or Neighbor: Policies for EU-Ukraine Cooperation in Justice and Home Affairs, Draft Policy Paper. Budapest: Open Society Institute, 2001.
17. *Абашидзе А., Киселева Е.* Радмиссия в отношениях России и ЕС: перспективы заключения соглашения // *Обозреватель*. 2004. № 2.
18. *Корнеев О.* Иммиграционная политика ЕС: от контроля к регулированию // *Навстречу Европе: Сб. статей*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 39–47.
19. *Цапенко И.П.* Под натиском мигрантов // *Вестник РАН*. 2002. Т. 72, № 11. С. 1011–1017.

Статья поступила в редакцию журнала 6 июля 2006 г., принята к печати 13 июля 2006 г.